

обстоятельством, что, в отличие от семьи, сельской общины или ремесленной коллегии, византийский монастырь XI—XII вв. подробно охарактеризован в источниках и прежде всего в специфических памятниках — типиконах; жизнедеятельность монастыря предстает в таких подробностях, на которые мы, к сожалению, не можем рассчитывать при исследовании других элементарных ячеек византийского общества. Создается неминуемая угроза диспропорции.

Во-вторых — и это обстоятельство усугубляет только что отмеченную угрозу, — монастырь и по существу представлял собой микроструктуру особого рода, искусственно создаваемую общность. Д. Саврамис, автор единственной работы по социологии византийского монашества, отмечая определенное сходство монастыря с семьей, выделяет два пункта различия между ними: во-первых, семья основана на кровном родстве, тогда как монастырь — «социальная категория союза»; во-вторых, член семьи был одновременно и членом общества, тогда как монашеская община замкнута и отделена от «мира»¹. Определения эти носят частный характер и не совсем точны.

Если семья в самом деле основана на кровном родстве, то уже домохозяйство — микроструктура, выходящая за рамки кровных связей. В еще большей степени такое определение относится к ремесленной коллегии, которая конституируется как «категория союза» и в этом смысле не отличается от монастыря. Таким образом, первое положение Саврамиса не определяет специфики монашеской общины. Что касается отделенности монаха от общества, то она была — как видно, в частности, из книги самого Саврамиса (она как раз посвящена в большей степени влиянию монашества на общество, чем функционированию монастыря как микроструктуры) — скорее идеалом, чем реальностью, причем идеалом, вытекающим из принципиальной особенности монастыря.

Дело в том, что функционирование монастыря определялось не только социальными и экономическими стимулами (в их существовании не приходится сомневаться), но и религиозными потребностями. Будучи в немалой степени элементом религиозной жизни, монастырь представлял собой не только реальное объединение людей, связанных общностью обитания, хозяйства и убеждений, но и превратный образ, дубликат, идеальную конструкцию²; в принципе он должен был явить собой недостижимую в реальных, земных отношениях форму человеческого общения; это была микроструктура, отрицающая все «земные» микроструктуры, хотя и построенная из тех же земных «кирпичей». Подобная особенность монастыря в кругу византийских общественных связей также может привести исследователя к аберрации.

Сами византийцы воспринимали монастырь как общину: для его обозначения использовали и термин *σὸστηρα*³, прилагавшийся к ремесленным коллегиям, и термин *κοινότης*⁴. Однако монашеское сообщество (*κοινωνία*) рассматривалось как учреждение особого порядка, как подобие ангельского состояния⁵.

¹ D. Savramis. Zur Soziologie des byzantinischen Mönchtums. Leiden, Köln, 1962, S. 16 f. Близкая по теме книга: F. R. Farag. Sociological and Moral Studies in the Field of Coptic Monasticism. Leiden, 1964 — содержит в действительности не социологический анализ, а панегирик монашеству.

² К этому определению Саврамис приближается, говоря о монастыре как о воплощенной утопии (D. Savramis. Zur Soziologie. . ., S. 91).

³ Например, устав Христодула (MM, VI, 59.18; 60.26); устав монастыря в Ареа (MM, V, 180.10).

⁴ Typicon Gregorii Pacuriani, ed. S. Kauchtschivili. Tbilisiis, 1963 (далее: Васур.), р. 66. 25—26; 124.21. Ср. также Житие Ильи Спилеота (AASS, Septembr. III, 873 A).

⁵ Устав Христодула — MM, VI, 69.16—17. О монастыре как об *ἀγγελική πολιτεία* см. устав Атталиата (MM, V, 302.23). Монастырь также уподобляется раю